

Г. А. Носова

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ РУССКОЙ МАСЛЕНИЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ

(НА МАТЕРИАЛАХ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА)

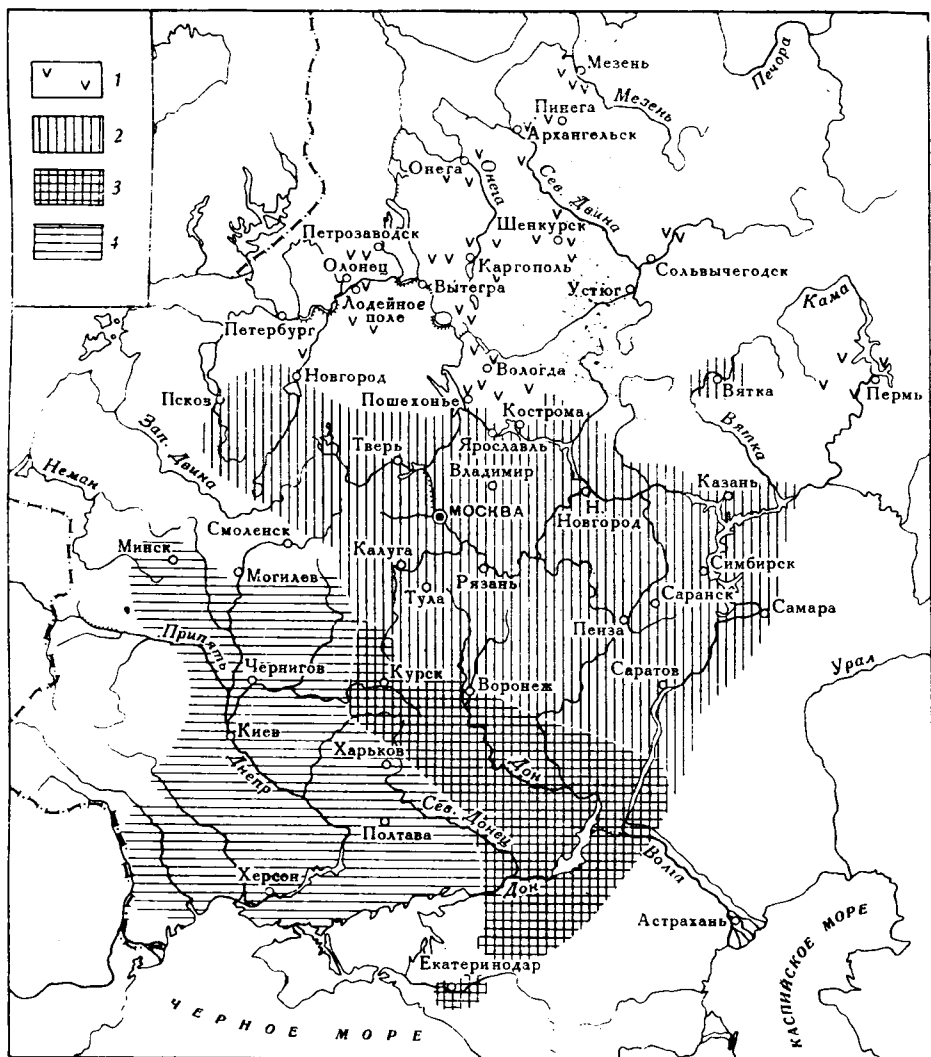
Русская аграрно-календарная обрядность складывается из ряда элементов, периодически повторяющихся в различные циклы земледельческого календаря. Происхождение и смысл аграрной обрядности, ее закономерности раскрыты в исследованиях дореволюционных и советских ученых¹. Однако вопрос о локальных особенностях обрядов, о границах распространения основных элементов праздников остается почти не затронутым. Одним из первых на этом остановился В. И. Чичеров, проследивший границы бытования разных типов русских новогодних песен — колядок². Между тем картографирование не только календарной поэзии, но и календарной обрядности, как и других явлений духовной культуры, представляет большой интерес для решения некоторых этногенетических проблем.

В настоящей работе предпринята попытка наметить границы бытования обрядов весеннего аграрного праздника — масленицы. Масленичный обрядовый комплекс характерен тем, что включил в себя большое количество элементов обрядности как зимнего, так и весенне-летнего периодов календаря. Он состоял из следующих обрядовых действий: встречи масленицы, поминания умерших, приготовления и употребления главного обрядового блюда — блинов, которое одновременно было и поминальным кушаньем, игрищ и увеселений (катания с «гор», ряженья, посещения родственников и знакомых), обрядов, посвященных молодоженам. Центральным моментом праздника в ряде областей были «проводы» масленицы.

При попытке проследить границы распространения основных масленичных обрядов в XIX — начале XX в. возникают трудности, вызванные разнородностью материалов. Одни сообщения, главным образом относящиеся к началу XX в., дают всестороннее описание масленичных обрядов в отдельных областях, другие содержат много интересных фактов, но часто без указания места и времени бытования того или иного масленичного обряда. Во многих источниках описаны единичные моменты обрядов в различных областях, своеобразные обычаи, привлекавшие внимание исследователей. Тем не менее картографирование элементов праздника на основе всех этих источников позволяет сравнительно четко проследить границы варьирования обрядов, дает возможность выде-

¹ Е. В. Аничков, *Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян*, ч. I. От обряда к песне, СПб., 1903; В. Ф. Миллер, *Русская масленица и западноевропейский карнавал*, М., 1884; А. А. Потёбня, *О купальских огнях и сродных с ними представлениях*, «Археологический вестник», вып. 3, М., 1867; В. И. Чичеров, *Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков (очерки по истории народных верований)*, М., 1957; В. Я. Пропп, *Русские аграрные праздники. (Опыт историко-этнографического исследования)*, Л., 1963, и др.

² В. И. Чичеров, *Русские колядки и их типы*, «Сов. этнография», 1948, № 2.

Карта распространения вариантов масленичной обрядности: 1 — северный комплекс обрядов; 2 — среднерусско-поволжский комплекс обрядов; 3 — смешанный комплекс; 4 — колодка-масленица

лить их областные и местные формы. В данной статье будут рассматриваться лишь великорусские формы обрядности; украинские и белорусские материалы будут привлекаться лишь как сравнительные.

В пределах европейской территории России можно говорить о двух комплексах масленичной обрядности: северном и среднерусско-поволжском. В областях русского Севера издавна сложился определенный обрядовый комплекс. Так, обряд «проводов» масленицы, составлявший ядро праздника в центральных областях, на Севере не отмечен наблюдателями. Семейно-бытовая обрядность преобладала здесь над аграрной. Определяющими в северном комплексе были обряды, относящиеся к молодежи вообще, и к молодоженам в частности.

Многочисленные материалы рисуют праздничные гулянья, угощения, посещения родственников и знакомых, катание с «гор», игры и кулачные бои, катание на лошадях, обряды, посвященные молодоженам

(«столбы», «целовник» и др.)³. По издавна установленному обычаю порядку крестьяне небольших деревень съезжались на праздник в близлежащие торговые села, где устраивалось катание на лошадях, гулянье. О величине таких «съездов» свидетельствует количество лошадей, которых в крупных селах бывало от 600 до 800 «на кругу», отчего катания получили название «скопищ». В эти дни, как отмечал С. В. Максимов, русская деревня совершенно преображалась: «Многолюдная деревенская улица поет, смеется, шутит, катается на санях»⁴.

«Съездки» нередко превращались в настоящие смотрины «новоженов» (молодых супругов), обвенчавшихся в предшествующий масленице мясоед. Не раз в литературе приводился обычай «столбов», который состоял в том, что молодые, нарядившись в свои лучшие костюмы, вставали рядами («столбами») по обеим сторонам деревенской улицы и, по требованию окружающих, целовались⁵.

В отдельных местах Вологодской губернии во второй половине XIX в. уцелели остатки своеобразного обычая — сбора дани «на меч», когда с молодого требовали выкуп за жену, взятую из другой деревни⁶. Аналогичный обряд откупа молодых сохранялся во второй половине XIX в. в Вятской губернии под именем «целовника». «...В субботу на масленице подгулявшая молодежь ездит целовать молодухек, которые живут замужем первую масленицу. По установившемуся ритуалу, молодая подносит каждому из гостей ковш пива, а тот, выпив, трижды целуется с ней»⁷.

В Вытегорском уезде излюбленным развлечением на масленичных сборищах было «катание молодых». Мужчины и женщины окружали сани с молодоженами, старались сдвинуть их с места. Молодая жена должна была «помогать» толпе, т. е. время от времени целовать мужа⁸. После этого молодых катали по деревне, за что они одаривали окружающих мужчин водкой, а женщин — пряниками.

Почти в каждой деревне и обязательно в местах «скопищ» поливали «горы» (на естественных склонах или устраивая деревянный помост). Во время катания с «гор» новобрачные также были предметом заботы и внимания толпы.

В Пинежском уезде Архангельской губернии каждая «молодая» должна была прокатиться с «горы», сидя на коленях у мужа, причем предварительно она целовала его столько раз, сколько просили окружающие⁹. Этот обычай называли «солить рыжики на пост» или «приморазивать»¹⁰. В Вытегорских Кондужах молодых таким же образом катали с «гор» на «ледянках», что считалось для них большой честью, и они расплачивались за это водкой¹¹.

³ П. С. Ефименко, Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, «Известия имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XXX, «Труды этногр. отд.», кн. V, ч. 1, М., 1877, стр. 140; Н. Д. Иванецкий, Материалы по этнографии Вологодской губернии, «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», М., 1890; П. В. Шейн, Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1, СПб., 1898, стр. 334—335; С. П. Короблев, Этнографический и географический очерк Каргополя Олонецкой губернии со словарем особенностей тамошнего наречия, М., 1851, стр. 53—54; «Архив Русского императорского Географического общества», I, № 48; XXIV, № 10; XXIV, № 3; XXIX, № 30^б; газ. «Олонецкие губернские ведомости», 1861, № 12—13; 1874, № 1, 5, 9, 12; 1890, № 65, 84; 1894, № 53; 1901, № 132; 1903, № 20, и др.

⁴ С. В. Максимов, Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1903, стр. 358—9.

⁵ Там же, стр. 361.

⁶ Там же, стр. 364.

⁷ Там же, стр. 361.

⁸ К. Филимонов, Народное веселье, газ. «Олонецкие губернские ведомости», 1897, № 39.

⁹ П. В. Шейн, Указ. раб., стр. 334.

¹⁰ П. С. Ефименко, Указ. раб., стр. 140.

¹¹ М. П. Минорский, Вытегорские Кондужи, газ. «Олонецкие губернские ведомости», 1874, № 27.

Приблизительная граница северной формы масленичной обрядности прослеживается по направлению Псков—Новгород—Пошехонье, далее она проходит по северным районам Ярославской и Костромской губерний. В Новгородской губернии (по этой губернии материала немного) в некоторых местах наблюдатели отмечали обряд сожжения «масленицы», но не указывали на него, как на характерный для этих мест.

Среднерусско-поволжский комплекс обрядности, помимо указанных выше общих для всего русского населения черт, отличался специфическими для него «проводами масленицы», которыми обычно заканчивался праздник. Обряд состоял в следующем: в последний день масленичной недели (иногда и в другие дни) по деревне проезжал обоз с ряжеными и с чучелом масленицы; при выезде за деревню, в поле, происходило, в зависимости от местных традиций,— раздевание, уничтожение, погребение или сожжение соломенной куклы. Варианты обряда разнообразны. Яркий набросок этого момента праздника встречаем у С. В. Максимова: «Чучелу ставят в сани, а около прикрепляют сосновую или еловую ветку, разукрашенную разноцветными лентами и платками. До пятницы «сударыня-масленица» хранится где-нибудь в сарае, а в пятницу, после завтрака, парни и девушки веселой гурьбой вывозят ее на улицу и начинают шествовать. Во главе процессии следует, разумеется, «масленица», рядом с которой стоит самая красивая нарядная девушка. Сани с «масленицей» влекут три парня»¹². Другая разновидность «проводов масленицы» приведена в работе И. М. Снегирева. «Масленицу» сопровождала вереница саней и салазков, переполненных веселой молодежью. Наряду с чучелами, важную роль в обряде играли ряженые. Сколачивали вместе 10—12 дровней, в середину ставили толстое бревно или дерево в виде мачты, на вершину которого надевали колесо. На колесе помещался мужчина, наряженный в женское платье или рваную одежду, выпачканный сажей. Иногда «обоз» вместо лошадей везли «несколько разряженных и уродливо, без всякого вкуса, испещренных людей, которые наряжаются в виде лошадей»¹³. Свообразные черты сохранял тот же обряд в Пошехонском уезде Ярославской губернии (1849 г.). В руки главному действующему лицу, развлекавшему окружающих шутками, давали штоф водки и блины, кнут или метлу. Весь обоз увешивался погремушками, бубенчиками. В масленичном обозе сооружалась также фигура, напоминающая женскую: столб с колесом обертывался конусообразно рогожами, и на него надевали женский сарафан¹⁴. По сведениям из Рязанской губернии, «масленицу» в обозе представляло дерево, украшенное лоскутами¹⁵. В одной из деревень Новоржевского уезда Псковской губернии (1903 г.)¹⁶, а также в Клинском уезде Московской губернии (1850 г.)¹⁷ в состав «поезда» входила лодка. В Ярославской, Саратовской, Симбирской, Пензенской губерниях «масленица» сооружалась путем нагромождения борон¹⁸.

¹² С. В. Максимов. Указ. раб., стр. 368. Место бытования обряда автором не указано, время — конец XIX в. Привожу для того, чтобы дать общее представление об обрядовом действии.

¹³ И. М. Снегирев, Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. II, М., 1837, стр. 128.

¹⁴ А. Архангельский, Село Давшино Ярославской губернии, Пошехонского уезда, «Этнографический сборник», вып. II, СПб., 1854, стр. 41.

¹⁵ А. А. Коринфский, Народная Русь, М., 1901, стр. 160.

¹⁶ И. К. Копаневич, Как проводится масленица в Псковской губернии, Псков, 1903, стр. 10.

¹⁷ И. Забелин, Заметки о старинной масленице, журн. «Московитянин», 1850, ч. II, № 6, стр. 44.

¹⁸ П. Бессонов, Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта, т. I, М., 1871, стр. 118; А. Терещенко, Быт русского народа, т. VII, СПб., 1848, стр. 334.

Проводы масленицы в некоторых местах превратились в пародирующую погребальную процессию инсценировку, исполнительницами которой были девушки и женщины.

«...Девушки берут зыбку или бельевое корыто и по размеру его делают большую куклу. Кладут ее, как в гроб, одетую в саван, подхватывают снизу полотенцами на плечи и несут по всей деревне. Впереди идет наряженная попом девушка, с льняной бородой, одетая в ситцевую ризу, в руках у нее пустой половник или на веревочке конфорка от савара, изображающая кадило, несколько позади попа подобный же дякон или дячок, а сзади гроба группа девушек, оплакивающих покойника... Обычно поп импровизирует и смешит всех своими выдумками»¹⁹. После погребения масленицы устраивали поминальную трапезу.

Шуточный обряд «похорон масленицы» описан также в Калужской губернии. По сообщению, приведенному в работе П. В. Шейна, «похоронная процессия» сопровождалась шумом и весельем: «...шумит вся толпа,— кто во что горазд: кто плачет, кто воет, кто хохочет, и т. д.»²⁰. Иногда по селу носили «покойничка» — живого человека, завернутого в белую простыню (Гамаюнщина Калужского края, Муромский уезд Владимирской губернии).

В областях Поволжья (Саратовской, 1848 г.²¹, Пензенской, 1895 г.²²) чучело выносили за околицу села и выбрасывали. В с. Зыково Саранского уезда Пензенской губернии за пределами деревни «пугало, мастерски свитое, сплетенное и обвернутое тряпьем, в один миг варварски уничтожается малыми ребятами, которые затем возвращаются в село, неся в руках те или другие атрибуты Масленицы»²³. В конце 1920-х годов в дер. Жарки Калужского района куклу относили за деревню, где ее раздевали²⁴.

Во Владимирской области еще в послевоенные годы наблюдались случаи изготовления чучела: в дер. Копнино Собинского района женщины однажды сделали мужское чучело и, посадив его на лошадь, возили в соседнюю деревню Жохово²⁵.

Заключительным действием проводов «масленицы» в ряде областей было ее сожжение. Вот как оно описано для Псковской губернии: «...проводят масленицу, т. е. сожигают чучело, изображающее масленицу, за деревней, на ближайшей горке, именно там, где и встречали масленицу... Чучело или привозят к костру прямо с катанья, или же насаживают его на высокий шест и торжественно приносят к месту сожжения. Сожигают чучело при пении подходящих песен, при громких криках» (1903 г.)²⁶.

В с. Федоровском Дмитровского края в конце 1920-х годов «масленицу», сделанную в рост человека и одетую в праздничное девичье платье, сажали на запряженную лошадь и возили по селу. «Поздно вечером масленичный поезд выезжает на озимь, где уже приготовлен костер для сожжения масленицы. Раньше масленицу сжигали в полном на-

¹⁹ М. И. Смирнов, *Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (по этнографическим наблюдениям)*, «Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея», вып. 1, 1927, стр. 22—23.

²⁰ П. В. Шейн, *Указ. раб.*, стр. 333.

²¹ А. Терещенко, *Указ. раб.*, стр. 335.

²² Н. Н. Н-ов, *Масленица в Саранском уезде Пензенской губернии*, «Этнографическое обозрение», кн. XXIV, № 1, 1895, стр. 122—125.

²³ Там же.

²⁴ М. Е. Шереметева, *Масленица в Калужском крае*, «Сов. этнография», 1936, № 2, стр. 118.

²⁵ Архив Ин-та этнографии АН СССР, Фонд Владимирской экспедиции 1965 г., сообщение А. И. Кузьмичевой 1914 года рожд., дер. Цепелево.

²⁶ И. К. Копаневич, *Указ. раб.*, стр. 7, 8.

Рис. 1. Сожжение чучела масленицы (гравюра из книги: А. Е. Бурцев, Обзор русского народного быта Северного края, СПб., 1902, т. III, стр. 97)

ряде, теперь же стараются незаметно или совсем снять платье и платок, или заменить их тряпьем»²⁷.

В отдельных селениях Дмитровского края имелись семейные масленичные куклы. Их сжигали в последний день масленицы в печи или, разорвав на части, бросали скоту. Это происходило одновременно с сожжением общедеревенской масленицы²⁸.

Часто на масленицу делали просто костер из хвороста, дров, соломы, веников, повалившихся плетней, старых лаптей и других вышедших из употребления вещей, или сжигали колесо, обмазанное дегтем. «В разных местностях средней полосы накануне этих праздников (благовещения, масленицы, пасхи.— Г. Н.) сжигают солому постелей, на которых спали всю зиму»²⁹. После сожжения «масленицы» иногда зарывали пепел в снег³⁰, иногда раскидывали догорающие головни по озимым посевам, чтобы озимь весной взошла выше и гуще³¹.

Мы не будем здесь анализировать аграрно-магический смысл обрядов, так как на этом вопросе неоднократно останавливались различные авторы. Обратим внимание на территорию их бытования. Границы обряда «проводов масленицы» охватывают центральные области европейской России и Среднее Поволжье. Основные области средоточия обряда проводов «масленицы» — Тверская, Костромская, Ярославская, Владимирская; к югу от Москвы выделяются Калужская и Рязанская области. Большим разнообразием обряд отличался в среднем Поволжье: Нижегородской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской губерниях. На северо-западе он наблюдался в Псковской губернии до Новгорода, на северо-востоке — в Вятской губернии³².

²⁷ А. Б. Зернова, Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае, «Сов. этнография», 1932, № 3, стр. 20.

²⁸ Там же.

²⁹ Е. В. Аничков, Указ. раб., стр. 265.

³⁰ С. В. Максимов, Указ. раб., стр. 370.

³¹ А. Б. Зернова, Указ. раб., стр. 21.

³² Нужно отметить, что граница среднерусско-поволжского комплекса обрядов совпадает с границей среднерусских говоров.

Описание сожжения «масленицы» известно (для XIX — начала XX в.) в губерниях: Псковской (дата сообщения — 1903 г.)³³, Ярославской (1837 г.)³⁴, Костромской (1848 г.)³⁵, Владимирской (1854 г.)³⁶, Вятской (1849 г.)³⁷, Калужской (1929—31 гг.)³⁸, в отдельных деревнях Новгородской губернии (сообщения, относящиеся к последней, немногочисленны), а также в Пошехонье (1849, 1901 гг.)³⁹ и Дмитровском крае (1928 г.)⁴⁰.

Приведенные данные о степени распространения масленичных обрядов совпадают с выводами В. И. Чичерова относительно святочных обрядов. Среднерусская полоса и Поволжье характеризуются особыми святочными обрядами, основной чертой которых было отсутствие объединяющего эти обряды действия, что исследователь считает исконной чертой среднерусской новогодней обрядности. Москва и близлежащие области (Рязанская, Владимирская и др.) и земли Поволжья, с которыми столица была издавна связана водными путями, в XIX—XX вв. явились хранительницами древнего русского обряда колядования⁴¹.

Границы распространения обряда проводов масленицы можно сопоставить с границами овсеней, типично великорусской разновидности новогодних песен — заклятий урожая и благополучия семьи, имеющих общеславянское название «коляда». «Овсени не известны ни на великорусском севере, ни в Белоруссии, ни на Украине. Их северная граница проходит южнее б. Новгородской губернии (для районов Новгорода характерны колядки вообще без припева)... Далее граница идет по направлению к Казани, захватывая средние и южные районы бывших Тверской, Ярославской, Владимирской губерний... Выходя на Волгу, овсень распространяется по всему Поволжью... вплоть до Астрахани. Наиболее типичен овсень для районов, группирующихся вокруг Москвы, Владимира, Горького, Рязани»⁴².

В. И. Чичеров также отметил особенность обрядовой поэзии на русском Севере, который не знал исконного типа новогодней песни — «овсеня»; на Севере общеславянское обозначение «коляда» сменялось величальными песнями — «виноградьями», среди которых преобладали свадебные величания. Как было показано выше, масленица на Севере также не содержала основных аграрно-магических обрядов, которые являлись определяющими для среднерусской полосы. В северном варианте обрядности масленицы на передний план выступала тема брака и семейного благополучия.

Изучение границ распространения отдельных элементов календарной обрядности на примере праздника масленицы позволяет говорить о том, что в центральной России сложился обрядовый комплекс, характеризовавшийся преобладанием аграрной темы, в то время как на русском Севере эти виды обрядности почти не отмечены. Это подтверждает мысль В. И. Чичерова об образовании в средней России особого комплекса явлений культуры — «переходного», который сохранил многие традиционные черты древней культуры и стал истоком формирования национальной русской культуры. Дальнейшее изучение границ распро-

³³ И. К. Копаневич, Указ. раб., стр. 7—8.

³⁴ И. М. Снегирев, Указ. раб., стр. 131.

³⁵ А. Терещенко, Указ. раб., вып. VII, СПб., 1848, стр. 330—331.

³⁶ В. Борисов, Быт шуйских крестьян «Архив РГО», VI, № 20; В. Борисов, Сожжение масленицы, газ. «Владимирские губернские ведомости», 1854, № 33; К. Завойко, Версвания, обряды и обычаи великорусов Владимирской губернии, «Этнографическое обозрение», 1914, № 3—4, стр. 148.

³⁷ «Архив РГО», X, № 26.

³⁸ М. Е. Шереметева, Указ. раб., стр. 103.

³⁹ А. Архангельский, Указ. раб., стр. 43; А. Б. Балов, Очерки Пошехонья, «Этнографическое обозрение», кн. XLXIII, 1901, № 1, стр. 131.

⁴⁰ А. Б. Зернова, Указ. раб., стр. 20—21.

⁴¹ В. И. Чичеров, Указ. раб., стр. 163.

⁴² Там же, стр. 117.

странения обрядов всего годового цикла, видимо, с еще большей полнотой сможет подтвердить этот вывод.

При разнообразии областных форм праздник масленицы, состоящий из перечисленных в начале статьи элементов, с центральным обрядом «проводов» был типично великорусским праздником. В украинском календаре конца XIX в. обрядовые действия с куклой или чучелом на сырную неделю имели глубоко пережиточные формы. Как самую характерную черту масленицы в Малороссии, Н. Ф. Сумцов, один из исследователей украинской обрядности, отмечал «колодку», которая дала название всей украинской масленице, называемой «колодка», или «колодий». «Колодкой» служил обрубок дерева, завернутый в кусок холста. Главными участницами обряда были женщины. Они собирались в корчме и производили различные церемонии с «колодкой». Считалось, что в понедельник «колодка» нарождается, в последующие дни происходят крестины, смерть, похороны и оплакивание колодки⁴³. В течение масленичной недели женщины ходили по домам, где жили холостые мужчины и незамужние женщины, и привязывали им к ноге «колодку» в знак наказания за то, что они не «вступили в брак». Иногда деревянная «колодка» заменялась лентой или платком. Для того чтобы освободиться от «колодки», молодежь, «волочившая» ее, должна была откупиться от женщин водкой и закуской⁴⁴. В украинской масленичной обрядности первоначально присутствовал мотив похорон. В варианте обряда с «колодкой», описанном Н. Ф. Сумцовым, можно увидеть имитацию погребения и усмотреть связь «колодки» как объекта обряда с чучелом масленицы. Деревянный обрубок служил заменой куклы, ему, как и масленичной кукле, приписывалось влияние на плодородие и рождаемость. Поэтому «колодка» и превратилась впоследствии в орудие наказания молодежи за нереализованную возможность устройства семьи. В XIX в. «колодка» имела лишь последнее, переосмысленное значение. Обряд с «колодкой» бытовал в XIX в. в Херсонской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Волынской, Харьковской, Воронежской, Смоленской губерниях⁴⁵.

В Белоруссии комплекс элементов масленицы был ограничен. Как отмечали исследователи белорусской обрядности Е. Ф. Карский, П. В. Шейн, П. Бессонов, у белорусов на масленицу не встречалось многих обрядов, характерных для великорусов: не возили разукрашенных деревьев, чучел, изображавших масленицу; о кулачных боях ничего не было известно, лишь кое-где устраивали катание⁴⁶. Так же, как и на Украине, преобладали обряды семейно-родовые; прежде всего «чествование «молодой» — обычай «водить молодую» (описан в Могилевской губернии). Женщину, вышедшую замуж в прошедший мясоед, усаживали в сани и везли в корчму, где ее муж должен был угощать веселую компанию. Существовал также обычай посещения на масленицу пови-

⁴³ Н. Ф. Сумцов, Культурные переживания, журн. «Киевская старина», Киев, 1890, стр. 137—139.

⁴⁴ А. Сементовский, Очерк малороссийских поверий и обычаев, относящихся к празднику, журн. «Молодик», ч. III, Харьков, 1843, стр. 102—103.

⁴⁵ П. П. Чубинский, Труды этнографо-статистической экспедиции в западно-русский край, т. III, СПб., 1872, стр. 7—8; П. Петров, О народных праздниках в юго-западной России, «Труды Киевской духовной академии», т. III, 1871, стр. 7—10; «Привязывание колодки», газ. «Терские ведомости», 1895, № 22, стр. 3; М. Дикарев, Масленица, газ. «Кубанские областные ведомости», 1895, № 30, февраль; Малинка, Местечко Веркиевка Нежинского уезда Черниговской губернии, «Этнографическое обозрение», кн. XXXVI, № 1, 1898, стр. 160; «Сырная неделя, по-малороссийски, масляна», «Архив РГО», IX, № 5; журн. «Живая старина», год V, вып. I—IV, СПб., 1895, стр. 32; С. А. Чернявская, Обряды и песни села Белозерки Херсонской губернии, «Сб. Харьковского историко-филологического общества», т. V, вып. 1, 1853, стр. 90—91; Н. Маркевич, Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян, Киев, 1860, стр. 2.

⁴⁶ Е. Ф. Карский, Белорусы, т. III, М., 1916, стр. 138; П. Бессонов, Указ. раб., стр. 135—136.

важных бабок родителями с детьми, одаривания повитух пирогами, а также посещения новобрачными родителей⁴⁷. В Полесье полнее сохранялась поминальная обрядность («дзяды»). В родительскую субботу (день поминовения умерших, предшествующий масленичной неделе) устраивали поминальный обед, или «вечеру», в последнее воскресенье сырной недели ходили на кладбище «прощаться» с покойниками⁴⁸. В ряде мест, преимущественно на границе с Украиной и Польшей, бытовал обряд с «колодкой»⁴⁹. Южновеликорусские области (Воронежская, Курская и др.), окраинные районы европейской России по Дону, Кубани, Тереку, заселенные смешанным казачьим населением, представляли в отношении масленичных обрядов переходную зону. Здесь ведущая роль принадлежала играм военного типа («городок», «иканцы»), кулачным боям, разнообразным состязаниям в ловкости и смелости. В районах с преобладанием украинского населения на масленицу «волочили колодку»⁵⁰.

Интересные выводы дает сопоставление границ распространения обряда «проводов масленицы» и территории бытования весенних земледельческих обрядов с мотивом «похорон». Обряды, аналогичные масленичным, наблюдались преимущественно весной (на троицу, духов день) и летом (на Ивана Купалу, 24 июня, Петров день, 29 июня). Они носили различные названия: 1 — «Похороны Костромы» — Владимирская губерния, Муромской уезд (Петров день), Курская губерния (троицын день), Саратовская, Симбирская, Пензенская, Самарская губернии (троицын, духов день); 2 — «Похороны Ярилы» — Костромская, Тверская, Воронежская губернии (Иванов день). А. Л. Погодиным было произведено исследование названий деревень, в результате которого он установил, что корень «ярило» в наименованиях деревень встречается только в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях, т. е. в тех местах, где наибольшую распространенность имели обряды «Ярилина цикла» — «похороны Ярилы», «похороны Костромы», «проводы масленицы»⁵¹. На Украине этим обрядам соответствовали «похороны Марены», «Марынки» — Харьковская, Полтавская губернии (Иванов день), обычай «водить тополю» (духов день), в Белоруссии — обряд «куст» (Витебская губерния).

В южнорусских областях был распространен обряд «проводов русалок», который назывался еще «проводами весны» (Рязанская, Тульская, Тамбовская, Саратовская, Астраханская, Нижегородская, Симбирская, Пензенская губернии)⁵². Как видно, область распространения указанных обрядов, совпадая с территорией обряда проводов масленицы, простирается далее на запад, охватывая Украину и отчасти Белоруссию.

При сравнительном изучении весенне-летних обрядов с уничтожением чучела обнаруживается большое сходство русских, украинских и белорусских обрядов с обрядами западных славян, особенно с хорошо описанным чешским обрядом «вынесения смерти». Исторические свидетель-

⁴⁷ П. В. Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. I, ч. 1, СПб., 1887, стр. 115—116.

⁴⁸ А. Н. Шимановский, Минская губерния и ее народное творчество в связи с описанием народных праздников и обрядов. Архив РГО, XX, 1898.

⁴⁹ Е. Ф. Карский, Указ. раб., стр. 138; «Остринский приход, Виленской губернии Лидского уезда», «Этнографический сборник», СПб., вып. 1, 1853, стр. 292.

⁵⁰ Г. И. Фомин, Кулачные бои в Воронежской губернии, Воронеж, 1926; П. Попов, Описание Уразовской волости Валуйского уезда, газ. «Воронежские губернские ведомости», 1864, № 48; Машкин, Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда, «Этнографический сборник», СПб., 1862, № 5, стр. 106; М. Дикарев, Масленица (отрывки из малороссийского календаря), газ. «Кубанские областные ведомости», 1895, № 30; «Привязывание колодки», газ. «Терские ведомости», 1895, № 22.

⁵¹ А. Погодин, Несколько данных для русской мифологии XV в., «Живая старина», 1911, вып. III—IV, стр. 427—428.

⁵² Д. К. Зеленин, Очерки русской мифологии, вып. I, Пг., 1916, стр. 237—282; Н. Ф. Сумцов, Указ. раб., стр. 143—144.

Рис. 2. Похороны Костромы («Вестник археологии и истории», вып. XX, СПб., 1911, стр. 91)

ства о нем, народные предания, относящиеся к обычаю, сообщения о разнообразных формах бытования его в конце XIX в. собраны в работе известного чешского этнографа Ченека Зибрта⁵³. Зибрт подробно описал обряд «вынесения смерти» в Чехии, Моравии, Словакии, Валахии, Силезии (где обряд к концу XIX в. сохранился в наиболее чистом виде), а также в Германии. В русской литературе ранние упоминания об этом празднике встречаются еще у И. М. Снегирева⁵⁴, который отмечал, что обряд уничтожения чучела Моржаны, или Мораны (смерти), в начале весны был известен в Польше и Силезии, в Чехии. Церковные запреты Пражского Синода, направленные против этого обряда, относятся к XIV в., но он продолжал бытовать в Чехии еще в конце XIX в. Обряд состоял в том, что соломенную куклу Марену (Муренну, Муриенду) девушки и парни выносили за околицу села и разрывали на части (Словакия), а куски ее приносили обратно в деревню. Часто чучело «смерти» сжигали или топили в воде, кидали в него камни, чтобы «смерть» не преследовала людей. В Чехии «смерть» бросали и бежали от нее; при этом верили, что кто споткнется и упадет, тот не проживет и года, т. е. смерть настигнет этого человека. Часто при исполнении обряда «вынесения смерти» на место выброшенного чучела в село приносили зеленую ветвь — эмблему вечной жизни. Каждое село стремилось отделаться от куклы, так как «смерть никому не радость». Содержание песни, которая пелась при исполнении этого обряда, следующее: «Мы смерть унесем, новое лето принесем. Будьте веселыми, мы дождались лета. Помогите нам, бог, дай доброе лето для пшеницы и жита». Иногда «смерть» разрывали на куски, причем каждая хозяйка брала кусок соломы и клала под гусыню или курицу, чтобы они хорошо неслись⁵⁵. Подобный же

⁵³ Č. Zibrt, Vynašení «Smrti» a jeho vyklady, starši i novější, «Česky Lid», II, V Praze, 1893, стр. 453—472, 549—560.

⁵⁴ И. Снегирев, Указ. раб., стр. 28, 121—123, 143.

⁵⁵ Č. Zibrt, Указ. раб.

обряд, встречавшийся в конце XIX в. в австрийской Силезии, описан Дж. Фрэзером. Чучело выносили в поле за селение, где срывали с него все наряды и украшения. Толпа бросалась на него и начиналась борьба за клочки чучела. Каждый стремился захватить горсть соломы, которой приписывалось чудодейственное влияние, и унести ее в свой хлев. Церемонию «изгнания смерти» Фрэзер сближал по значению с обрядом «погребения Карнавала» (или погребения масленицы), отмечая несомненные черты сходства масленичной куклы с ведущими образами весенне-летних обрядов, олицетворявших смерть и возрождение растительности (Ярило, Кострюбенко, Кострома и другие). Он писал: «Следовательно, надо думать, что чучело, играющее центральную роль в церемонии, подвергающееся разрушению и называющееся Смертью, обладает животворящим и плодотворящим влиянием, способным передаться растительному и животному миру»⁵⁶. Обряд «вынесения смерти» отмечен Фрэзером во многих селах Баварии, Тюрингии, Саксонии, Силезии, Богемии, Моравии.

Работу по выявлению ареалов распространения различных элементов масленичной обрядности можно рассматривать как небольшую часть обширного по масштабам исследования — картографирования обрядности всего годового цикла русского аграрного календаря. Подобное исследование позволило бы проследить границы таких комплексов обрядности как троичко-семицкий, купальский, а также обрядов осеннего и зимнего периодов. Оно могло бы дать плодотворные результаты при установлении первоначальных областей бытования того или иного обряда, его древней этнической принадлежности, дало бы возможность проследить исторические и культурные связи между этническими общностями и глубже раскрыть происхождение, смысл и назначение календарных праздников.

Возможно также значительно расширить и географические рамки картографирования. Аграрные праздники были известны всем земледельческим народам на определенной фазе их исторического развития. Наука располагает многочисленными данными о национальных формах обрядов и их особенностях. Было бы интересно провести сравнительное изучение восточнославянских обрядов с западнославянскими, общеславянских обрядов с календарными обрядами европейских народов. Но эту работу предстоит еще сделать в будущем, она потребует усилий большого коллектива ученых.

SUMMARY

An attempt is made at mapping Russian calendar rituals of the XIX and early XX centuries as exemplified by the spring agricultural carnival festival — the *Maslenitsa*. The study deals mainly with Great Russian rituals; Ukrainian and Byelorussian data is cited for purposes of comparison. Two complexes of *Maslenitsa* ritual are distinguished within European Russia: that of the Northern and that of the Central Russia and Volga Region; the geographical distribution of each is traced. Boundaries of various rites are compared with those of analogous spring and summer ritual cycles. A comparison of Eastern Slav calendar rituals with those of the Western Slavs shows indubitable features of similarity between them which lead to the conclusion of their common origin.

---

⁵⁶ Д. Фрэзер, Золотая ветвь, вып. III. Умирующие и воскресающие боги растительности, «Атеист», 1928, стр. 28.